

В связи со значимостью, если не судьбоносностью принимаемых на самом высоком уровне решений редакция «АВ» попросила отреагировать на остро полемическую редакционную статью уважаемых в нашем профессиональном цехе экспертов. В принципе тема отнюдь не закрыта – содержательные отклики приветствуются.

«Большая Москва»: рефлексия по горячим следам

Андрей Бокорь,
гендиректор ГУП МНИИП «Мостпроект-4»,
президент САР

На сегодняшний день мы получили некое управленческое решение, которое в дальнейшем должно быть наполнено конкретным содержанием. Это решение возникло не на ровном месте, но на достаточно подготовленной почве. Она готовилась на протяжении почти столетия: с того момента, как Москва стала интенсивно развиваться, появились признаки формирования московской агломерации.

Еще в начале 1930-х гг. родилась идея о взаимосвязанности роста города с его размерами, структурой и пространственной организацией. Н.Ладовский первым уловил новые веяния, предложив концепцию трансформации радиально-кольцевой системы в открытую схему, предполагающую направленный рост, концентрирующий усилия в одном направлении. Это явилось важным открытием в сфере урбанизма, ничего подобного до него не предполагалось, особенно в отношении агломераций. Концепция линейного города существовала и прежде, но идея приложения открытой схемы к существующему городу впервые была предложена Н.Ладовским. Он полагал, что направленное движение более продуктивно, нежели равномерное развитие, даже если оно, как в случае с Москвой, организовано в виде рукавов, разрастающихся вдоль основных магистралей. Равномерно направленное развитие города, его территориальная экспансия во все стороны с сопоставимой скоростью не приводит к радиально-кольцевой изменению планировочной структуры и лишь усиливает негативные проявления радиально-концентрической схемы моноцентричного города.

Концепция Н.Ладовского и породила направленное движение столицы в юго-западном направлении. Это решение вполне обосновано и имеет историческую предрасположенность. Ленинский проспект – основная городская автомагистраль, ведущая из исторического центра в новые районы Москвы. Параллельно формировались еще одна пространственная ось, по одну сторону Москвы – реки спирающаяся в Пушкино, по другую – на Университет. Эти оси должны были закрепить новые здания Дворца Советов и целый комплекс министерских блоков.

На юге – меньшая концентрация промышленных предприятий, традиционно отнесенных к восточной окраине города. Кроме того, там более благоприятная экологическая обстановка. Пожалуй, единственный недостаток – отсутствие водных пространств.

Дальнейшая судьба данного управленческого решения зависит от того, насколько умело и разумно мы воспользуемся его плодами. Можно снова нелепо и хаотично строить новые территории панельными коробками, а можно создать некий эталон поселения, который впоследствии мог бы получить распространение на всем пространстве РФ. Именно сегодня в профессиональном и общественном сознании под сильным влиянием зеленой идеологии, к сожалению, непопулярной в России, формируется новый образ города. Для нас было бы весьма существенно воспользоваться мировым опытом и приложить его на практике. На территории новой Москвы должны возникнуть полисы активности. Прежде всего – это правительственный центр, а также мощнейшие транспортные узлы – аэропорты.

Профессиональное сообщество располагает целым рядом продуктивных концептуальных идей, которые необходимо представить власти и обществу в виде экспозиции. Нечто подобное было сделано в отношении Большого Парижа по поручению Н.Саркози. Десять команд были приглашены для подготовки своих высказываний относительно будущего Большого Парижа. Применительно к Москве предстоит сделать что-то в этом роде. Условно это можно считать концептуальным конкурсом, которому должна предшествовать стадия подготовки задания и предоставление всей необходимой информации. Результатом конкурса может стать некоторая сформулированная стратегия.

Далее возникнет необходимость в подготовке пакета документов территориального, определяющих судьбу Московской агломерации в целом, судьбу Большой Москвы, отдельно – Московской области, присоединенной территории, и, наконец, Москвы в ее старых грани-

цах. Эта работа должна сопровождаться постоянным накоплением базы данных, информационным, научным обеспечением, что должно лечь в основу новой нормативной базы. Далее – законодательное обеспечение. Мы нуждаемся в законе о новых образованиях, в изменениях в 131-ом ФЗ о местном самоуправлении, в Градостроительном, явно не способном обеспечить работу такого уровня сложности, в целом ряде других законодательных актов. И если эта работа позволит улучшить нормативную и законодательную базу, то это уже станет большим плюсом.

Надо понимать, что новые территории присоединяются к столице не просто так. Хотелось бы надеяться, что они смогут решить многие существующие проблемы. Одна из острейших – нехватка доступного жилья. Сейчас представляется реальная возможность получить качественное и доступное жилье, при условии, что не будут влиять цены на землю, удастся правильно выстроить отношения с бизнесом и местными муниципалитетами, а экологическая ситуация будет не ухудшена, а улучшена путем увеличения площади зеленых насаждений и повышения их качества. Такие способы строительства и организации пространств обитания имеются, но, к сожалению, не всегда применимы к нашим условиям.

Одной из принципиальных проблем является проблема выстраивания отношений со сложившимися на данной территории структурами – собственниками, жителями, которые, конечно, должны быть защищены в своих правах, но все же должны учитывать и интересы сообщества.

В последнее время стало нормой принимать решения без участия профессионалов. Даже принятие решения по расширению столицы исключало их присутствие. Отгораживает, что столь важные решения принимаются менеджерами. А это ведет к огромному числу ошибок, к невероятным затратам и полному провалу проектов, финансируемых из бюджета. Такие проекты у всех на слуху – Марининский театр, Музей изобразительных искусств им. Пушкина и т.д. Уже выработались некоторые схемы, когда непрофессионалы взаимодействуют с инженерами в обход российских специалистов. Это идеальная комбинация для скорейшего решения задач, имеющих мало общего с получением качественного результата. Опасность в том, что все пойдет по оптимистическому или скепсисскому сценарию, очень велика. Не хотелось бы повторения ошибок.

Евгений Асс,
руководитель бюро Архитектуры асс

Эти два события – формирование Народного фронта и расширение Москвы – на первый взгляд находятся в разных плоскостях, но тем не менее оказываются связанными. Так, в один прекрасный день ты вдруг просыпаешься членом какой-нибудь политической партии, к которой совершенно не намеревался примкнуть. А на следующий день точно так же неожиданно можешь проснуться жителем города, в котором никогда не планировал жить. Это все характеризует нашу политическую систему с симптоматикой непредсказуемости.

На самом деле, эти два решения в идеологической перспективе действительно пересекаются, поскольку и то, и другое приняты примерно в один и тот же сферах. Не удивлюсь, если завтра Калуга перейдет в Рязань, а Екатеринбург – во Владимирское. Такие глобальные не вполне обоснованные решения, подобные поворотам рек, в России принимаются на уровне Государа Императора.

По поводу политических партий могу сказать, что вопрос все-таки разрешился в пользу здравого смысла.

Что касается второго пункта обсуждения, то он не может решаться только на уровне дискуссии. Это правительственное решение, которое уже принято и не обсуждается. Хотя обсуждать-то его, конечно, можно, но абсолютно бесполезно. Едва ли удастся на что-то повлиять. В первый момент, узнав об этом неожиданном для меня расширении города, я вспомнил детскую игру в «ножички». По правилам этой игры надо своим образом подбросить ножик и по направлению его лезвия прирезать себе участок земли. Такое впечатление, что

Д. Медведева, С. Собянин и Б. Гроум решили проблему города, сыграв в эту игру. Потому что только методом подбрасывания ножки можно было принять подобное решение, не опираясь на научные основания.

Сейчас мои коллеги легко и даже с некоторым восхищением говорят об этом выборе как о тонком и правильном, когда tudo все и диталоса. А что еще говорить? Особенно московскому градостроительному руководству и Союзу архитекторов? Говорить, что все это сделано бесовственно и волонтаристски, конечно, не приходится. Следовательно, надо принимать правила игры и лучше принимать их с улыбкой, нежели с отвращением.

А что из этого выйдет, мне судить трудно. Я все-таки человек, привыкший к рациональным поступкам, а не интуитивным. Здесь же я не вижу рационального подхода. Стремление расшить правительстве мне понятно – не вижу в этом ничего предсудительного. Нужно ли для этого увеличивать Москву в 2,5 раза? Не уверен. Если за этим стоит идея, скажем, желание изменить конфигурацию границ Москвы, то и в этом случае непонятно, почему нужно было делать это с такой спешкой именно сейчас и именно таким образом?

Надо понимать, что город – это довольно сложное для управления и трансформации образование. Он живет своей судьбой. В XX веке ввиду сложных исторических процессов судьбы городов менялись интенсивнее, чем прежде, но и тогда не было столь драматичной трансформации. Москва на протяжении столетий менялась, расширялась кольцами, прирастала пригородами, деревни становились частью города. Многие современники этих изменений тоже видели в них много отрицательного, не всегда их принимали. Однако город развивался равномерно и не таким расчетливым образом. Возникали более приоритетные направления. Были и явные провалы, которые оспаривались варварскими методами. Планы таких оспаривать мы наблюдаем сегодня. Но в советское время все подчинялось воле диктатора. Сегодня же при видимом стремлении государства к цивилизованности и рациональности, стремлении придать знаниям особый статус, решение построить город, руководствуясь исключительно государственной волей, без опоры на знания, анализ и исследования, выглядит по меньшей мере странно.

Я трудяюсь понять, имею ли какие-либо разумные и долгоиграющие перспективы расширения столицы на юго-запад. Удастся ли на новых территориях достичь той же плотности и той же урбанистической эффективности, что и в центральной части? Или же эта территория обречена на вечную окраинность, постепенное убавание к периферии. Опять же, каким образом может развиваться территория, имеющая в своем центре два аэропорта? Не ясно, что будет с сельскохозяйственными землями. Является ли эта акция чисто административной: присвоивший участок, который теперь будет называться Москвой, а не Московской областью, и на этом все? Или в самом деле последуют серьезные изменения? Будут ли жилищные территории Москвы автоматически считаться московскими? Может ли нормально существовать полноценный город, у которого диагональ более 120 км? Слишком много вопросов, на которые я не могу дать ответов, во-первых, потому, что даже не успел об этом подумать, а во-вторых, я в самом деле не понимаю исходного резона.

Все комментарии, даже самые позитивные, не говорят ни о чем. Журналисты задают странные вопросы: «Как вы видите будущую застройку новой Москвы?». А Бовов, например, сразу отвечает, что это будет застройка средней этажности. Прекрасный ответ. Почему? А почему бы ей не быть высокой? А что в это время будет происходить с другими направлениями? Городским центром? Судьба их представляется безрадостной, поскольку все финансирование будет даваться в сторону юго-запада, откачивая капиталовложения из других районов.

В конечном счете, эта акция мне скорее разочаровывает и огорчает – и по форме, и по содержанию – как результат волонтаристско-авантюерного метода управления и как действительное, лишённое аналитического обоснования. С градостроительной точки зрения эта акция тоже пока пуста, бессмысленная и немотивированная.

Я понимаю позицию моих коллег, которые говорят, что все решения в России принимались только таким образом и только таким путем в нашей стране происходит какие-либо модернизации. И часто приводит в пример Санкт-Петербург, который если бы Петр I долго думал, не был бы построен – аналитики бы отсоветовали. Однако мне кажется, что между XVII и XXI веком все-таки существует некоторая разница. Хотелось бы, чтобы мы жили по другим законам, отличным от законов имперского волонтаризма.

Александр Скокан,
ген. директор АБ «Остожнен»

Город, если не развивается, то умирает. Развиваться он может по-разному: уплотняться внутри своих границ, расти вверх или вширь. Москва периодически замыкалась в опреде-

ленных границах, однако постепенно их преодолевала. Это были стены Белого города, позднее – границы Земляного города, затем – Камер-Коллежский вал, имеющий уже гораздо менее определенные очертания и т.д. Генплан 1930-х гг. также имел границы довольно сложной конфигурации. И, наконец, в 1960-е гг. появилось кольцо МКАДа, которое на протяжении долгих лет служило неким бандажом, сдерживающим центробежную энергию города. Это все равно как если у человека растет живот, а он продолжает застегивать брюки на прежнюю пуговицу. Дышать ему становится все тяжелее, и, наконец, он решает, распустит ремешок и делает вдох.

Очевидно, сейчас наступил такой момент, когда столица должна сделать свободный вдох.

Другой вопрос – какими средствами?

В пояснительных записках к предложению по расширению города пишут, что плотность населения Москвы составляет 11 тысяч человек на 1 км², тогда как в других цивилизованных столицах мира того же масштаба и размера, вроде Лондона, Берлина или Парижа, плотность населения в 1,5-2 раза меньше. Из этого ясно, насколько город переуплотнен.

В столице остается много неосвоенных мест, пролом. Были предложения вывести из них промышленность, высвободив таким образом приличный территориальный резерв. Однако, застроив эти участки жильем, уменьшить плотность населения не удастся, наоборот, она увеличится суммарно раза в полтора.

Решение о расширении Москвы оставляет вопрос о судьбе промышленных зон вне поля зрения. Тем не менее, как раз эта мера и может привести к снижению плотности населения. Хотя с другой стороны, пристыжение дополнительных 144 га совсем не гарантирует уменьшение плотности в старой Москве.

Если отбросить эмоции по поводу того, что все это неспроста и непонимающим образом организовано, и попробовать разобраться в сути, то картина вырисовывается следующая.

Морфология Москвы такова, что ее основное плотное тело, расположенное в пределах МКАДа, прорастает некими урбанистическими выплесками, которые тянутся вдоль железных и/или автомобильных дорог. На северо-западе – это Ленинградское и Дмитровское, на юге и юго-востоке – Рязанское и Подольское направления. На востоке и северо-востоке ситуация несколько иная: Ярославское направление представляет собой некий протуберанс, который после выброса закручивается к Горьковскому направлению и возвращается обратно к Москве.

Что касается юго-запада, то там все гораздо сложнее. Основное тело Москвы находится на левом берегу Москвы-реки. Противоположная сторона – это правобережье, или Заречье. Вероятно, генетика левобережья провоцирует появление вышеупомянутых урбанистических выплесков. На правой же стороне формируются не только радиальные, но и поперечные связи. Дельта Пахы и другие реки располагаются в преимущественно восточном направлении, формируя горизонтальные долины, стимулирующие развитие таких связей.

Еще одним фактором являются железнодорожные пути, которые препятствуют появлению сетевой структуры в левобережье. Перезады редки, мостов немного. И чем интенсивнее движение, тем затруднительнее связь. На юго-западе две основные железнодорожные ветви, расходясь лучами, оставляют значительные нерасчлененные территории, на которых легко организуются поперечные или горизонтальные связи как предпосылки для возникновения сетевой структуры. Вообще, я считаю, что, учитывая моноцентрическое устройство нашей страны и цивилизации в целом, появление такой структуры на разных уровнях – градостроительстве, управления, информатики и т.п., крайне полезно.

Множество концептуальных конкурсных проектов развития города, выпущенных в разные времена, выбирали именно юго-западное направление. Возможно, это результат учета генетической предрасположенности городского организма к такому развитию. Но эта предрасположенность имеет также и вполне искусственный, рукотворный характер – именно это направление было прописано Генпланом 1935 г. как приоритетное, идущее от Дворца Советов двумя лучами через Хамовники, Пирогово и Лужники и далее до растворения в подмосковных деревнях за Теплым Станом.

До того город расширялся естественным путем главным образом в северо-западном, северо-восточном, восточном и южном направлениях, тогда как юго-западное заметно отставало, сдерживаемое петлей Москва-реки вокруг Лужнецкой поймы и Воробьевских Горам на противоположном берегу. Именно на этом «холостом» направлении и происходили важнейшие градостроительные события социалистической Москвы, такие как построенные в 1950-е гг. Стадион в Лужниках и МГУ, а также проектировавшиеся в те же годы, в полях за Университетом, новый Дворец Советов и Всесоюзная выставка 1967 г. – грандиозные проекты, в память о которых остался только тайный подземный город, расположенный по преданиям где-то под этими полями.

Таким образом, собрать предпосылки, что нам туда дорога, несложно. Поэтому данное решение не является неожиданностью, развитие города на юг – это скорее благо, нежели бедствие.

А дальше начинаются все те же проблемы, от которых мы, к сожалению, никуда не денемся. Во-первых, нарастающая спешка. Далее – бессистемность решений и поступков, отсутствие ясной мотивации, воровство, коррупция и т.п. Но теоретически, если, конечно, это все не является преобладающим блефом, что тоже нельзя исключать, эта идея имеет смысл. И едва ли новая территория станет городом чиновников, скорее данный проект предполагает всего лишь развитие столицы. Если представить себе на минуту, что туда переберутся все федеральные службы, а система дорог останется прежней, то ситуация с транспортом там будет на порядок хуже, чем сейчас в Москве. Поэтому, в первую очередь, необходимо решать вопрос коммуникаций, искать правильную методику организации работы и т.д.

Пока же на данном этапе я лично плохого в расширении города не вижу.

Владимир Юдинцев, директор мастерской «АРТЭ+»

То, как произошло выделение властями зоны развития «Большой Москвы», не удивляет. По-большевистски. Вроде все уже и слова правильные знают: город – живой организм, а агломерация – тем более. А как вышла нужда что-то сделать конкретное для организма, то только любимым способом палы Карло – топором и из дера.

Но дело сделано и, похоже, небытие. То, как стоял Громов в Собрании, извещая о принятом решении перед камерой, очень красноречиво. На мой памяти лет тридцать разные экономисты, политики и просто умные люди призывали столицу и область к всевозможным формам слияния, от полного объединения воединоначалием до обычной согласовываемых действий. Ничего не вышло. Власти вставать повороч куда удобнее. Приезжа земли огромная, чтобы отвязалась Москва от области или подавилась, что скорее. Но это такую курдючную овцу пастись в состоянии? Это интереснейший вопрос. Случай беспрецедентный, и учиться не у кого. И если вдруг в марте нам покажут единого главу Москвы и области, то просто страшно, какой он должен быть умный. Стоп. Но тогда зачем было сейчас прирезать то, что так будет общей головной болью? Да, к марту можно было бы поточнее определить и векторы развития столицы. Какая-то невезучка. Не хочется думать, что так далеко федералы не заглядывают. Или они решили оставить область и город в нынешнем несмыкаемом виде? Тогда дела и вовсе плохи. Вопросов много, а заявления мзра о том, что новая территория вдвое снизит плотность в центре Москвы, говорит о его дествственном незнании последствий.

Теперь рассмотрим саму прирезку территории. Сказать, что сделано наобум – нельзя. Видимо, какие-то контакты с профессионалами были, но результат видоизменен «как надо». Юго-западное направление фигурировало как вектор развития столичных функций как в генплане 1935 г., так и в генплане 1990 г., хотя, конечно, на различном удалении от центра. Привлекательность этого направления обусловлена принадлежностью к Теплостанской возвышенности, хорошей розой ветров, наилучшей экологической обстановкой, выраженный концентрации уникальных объектов и прочее. Но самое главное – юго-западная часть города имеет сетевую улично-дорожную структуру, хотя и искаженную концентрическими фрагментами. А, стало быть, этот сектор Москвы больше, чем остальные, может приспособиться к внешним транспортным нагрузкам и, главным образом, межмагистральным. Ну, хоть что-то.

Однако, напомним, что это направление предназначено для развития столичных функций, а не для отпочкования нового города. Это вопрос к огромности отведенной территории. Зачем она? Ведь, чтобы вывести все правительственные, административно-финансовые и прочие динамически опасные для старого города функции, давшие Ватутинку никак не забраться. Значит, все остальное будет жильем. А если не обеспечить его местами приложения труда, то эти новые районы-спальни опять обратятся на Москву. И тут возникает главный вопрос: по отношению к старой Москве это – «еузо» или противоее? Здравый смысл подсказывает, что надо воспользоваться фактом выноса из столицы динамичных функций и создать новый фокус или систему фокусов притяжения. На короткой связке с Москвой, но со своими, относительно независимыми связями по Центральному Экономическому Району и дальше. Тогда снятие коммуникационных нагрузок с исторического города будет реальным. И то, если очень стараться. Но этого без единого управления Москвой и областью уж точно не добиться.

Тогда останется растить «пузо», самое большое в мире. Уже имея «грыжу» в виде Сити, кстати, тоже задуманного, якобы, для снятия нагрузок с исторического ядра. Известно, что 2-3 последних года Москва почти не строила, зато активно строила область, но так же, как до этого Москва: на существующем транспорте и старой инфраструктуре. И заторы пришли в область. Напомню, что дорожная сеть Московской области по плотности в 10-11 раз ниже средневропейской. Поэтому, если в ближайшие годы на юго-западе мы не увидим не померного для привычного глаза строительства дорог, ТЭЦ, канализационных станций и прочее, что зовется инфраструктурой (где деньги возьмем?), то это будет означать, что вместо старого «убитого» города строится новый со столь же убогой судьбой. А как хочется дождаться здорового организма хоть на старом, хоть на новом месте.

Виктор Логвинов, президент СМА

Решение о присоединении к Москве второй Москвы – по площади эта территория даже больше имеющейся – внешне обосновывается благими намерениями. Существует масса проблем, которые невозможно решить по причине того, что столица зажата в административных границах. По той же причине нет возможности рассредоточить функции органов управления. Отсюда – колоссальные транспортные проблемы. Резервы для дальнейшего развития на сегодняшний день городом практически исчерпаны. Накапливаются проблемы экологии, охраны памятников и т.д.

Расширение города позволит вывести значительную часть административных функций из центра. Новые территории могут стать плацдармом для инвестиционной активности и жилищного строительства. Вероятно, что инвестиционные потоки будут переориентированы на новые территории. И здесь может возникнуть опасность того, что центр и другие районы города начнут постепенно ветшать. Необходима взвешанная политика, дабы приращение территории не повлияло на старый город.

Уже давно Москва рассматривается не как город в пределах МКАД, а как агломерация, поскольку в действительности она давно преодолела существующие границы. Расширение Москвы неизбежно и в той или иной форме оно должно было свершиться. То, что это произошло путем присоединения одного из возможных клыков Московской области, на мой взгляд, случайно и не продиктовано урбанистическими предпосылками. Это решение принято из чисто экономических и политических соображений. Был выбран сектор с наименьшей плотностью населения и меньшими количеством муниципальных образований, которые по закону должны непосредственно участвовать в процессе. На кого правительственные интересы найдут наименьшее сопротивление со стороны собственников.

Я данное решение соотношу с выбором площадки под строительство олимпийских объектов, когда наши политические мужи просто вышли в Имеретинскую долину, увидели пустое место и решили его застроить, не понимая, что до сих пор там не велось строительство из-за плохих гидрогеологических условий. Примерно такая же ситуация складывается и с Москвой. Выбор не подтвержден никакими градостроительными выкладками. Понятно, что это мощнейший стимул к развитию. Но детали и формы пока не определены. Будет ли это город-спутник, или ожерелье городов-спутников, или непрерывный город – не ясно. К сожалению, только после принятия решения, подключаются профессионалы. В настоящее время предполагается провести конкурс, в ходе которого будут выявлены пути развития столицы. Конкурс – академический, концептуальный, проводимый в сжатые сроки. После Нового года планируется подвести его итоги. Сейчас ведется интенсивная подготовка. Хочется надеяться, что данный конкурс сможет дать исковый ответ на вопрос о расширении Москвы. Его результаты лягут в основу задания на разработку нового генерального плана столицы – присоединение такого огромного участка автоматически предполагает полную его переработку.

С одной стороны, мы как профессионалы должны предостеречь власти от скоропалительных решений, с другой же – это вызов архитекторам и градостроителям, которые должны предложить грамотное решение, способное обеспечить более благоприятные условия жизнедеятельности для жителей Москвы.

Феликс Новиков

Станет ли для Москвы исторической датой 17 июня 2011 года – день, когда президент провозгласил свой план «Большой столицы»? Честно скажу, я питаю тайную надежду на то, что этого не случится, и он вскоре будет забыт, канет в лету. На что надеюсь? Хотелось бы на здравый смысл, но на худой конец сойдется и кризис, который маячит в Европе и за океаном.

Хочу напомнить: всего лишь чуть больше года тому назад столичная Дума одобрила новый генеральный план Москвы. Нацеленный на реализацию до 2025 года, он, так или иначе, учитывал все аспекты городского проблем и обеспечивал развитие города до расчетного срока. Разумеется, в нем были недостатки, на многие из которых обратила внимание общественность. Их надлежало учесть в дальнейшей работе.

Знал ли об этом президент? Должен был знать. Однако о данном факте он умалчал. Свою идею Медведев ничем не аргументировал. Не прозвучало никаких обоснований и расчетов, и, как мы знаем, этой акции не предшествовали какие-либо экспертизы и обсуждения. Гигантский затратный проект объявлен без всякого-либо предварительной разработки, без профессиональной оценки, без всенародного референдума, можно сказать, «как конфетка».

Так подобные вопросы не решаются.

Я поразился тому, что на определение новых границ столицы России было отведено 10 дней, и тому, что их хитовито Сергею Собянину и Борису Громову на то, чтобы определиться в своем решении. Хотя успешность дала о себе знать, и вскоре к 144 тысячам га новых земель они добавили еще 16 тысяч. А прежде того собрался инициативный «триумvirат» и вынес келейный «приговор» – быть посему! Затем нам были представлены очерчения новой территории – будущие пределы гигантской агломерации.

Даже самая общая схема развития города должна обладать эстетическими качествами, попросту говоря, быть красивой. В этом залог ее успешного развития, органичности городской структуры. Так красива планировочная схема Москвы, начиная с самых древних ее изображений. Но то, что нам нарисовали столичный мэр и областной губернатор, на мой взгляд, уродливо. Такое образование отторгается московским планом, образно говоря, оно подобно выкидышу, возникшему в результате аномальной беременности. И способен ли город принять в свое лоно прирост площади в полтора раза больше его самого? Однако уже готовятся конкурсы, в итоге которого устроители надеются получить исомый результат. Не слишком ли поздно?

Напомню еще одно обстоятельство. «Сталинский» генеральный план, охватывающий город площадью в 60 тысяч га, выполнялся почти четыре года. Следующий генплан столицы, утвержденный в 1971 году, готовился пять лет, притом, что территория города выросла до 88 тысяч га. Новый генплан 2010 года, охватывающий пространство в 102 тысячи га, тоже потребовал пять лет работы. Спрашивается, сколько нужно времени на проработку 262 тысяч га городской территории? А прежде чем объявить конкурс, следовало бы подготовить технико-экономическое обоснование генерального плана. Для плана 1971 года эта работа велась шесть лет. То было в первой половине 1960-х, и тогда не было компьютеров. Теперь это можно сделать гораздо быстрее, но в новом объеме работ как минимум год на такое дело положить необходимо. Однако конкурс все равно не решит проблем города.

Не секрет, что нынешнее положение Москвы плачевно. В стране нет должной макроэкономической и градостроительной политики, и потому возникают очевидные перекосы, жертвой которых стала перенаселенная столица. Став больше в два с половиной раза, она превратилась в одно из крупнейших в мире городских образований. И подобно тому, как функцией надежды министра финансов на то, что продажа освободившихся зданий покроет расходы по строительству новых, также нет никакой уверенности в том, что новая Москва не усугубит проблемы старой, в том числе, транспортные и экологические.

Представьте себе, какая плотность движения возникнет на пересечении радиальных путей, удлинившихся в четыре раза, и МКАД, которая станет на этом отрезке одной из городских дорог. И разве неясно, что зеленый пояс города, служащий его легкими, независимо от административного деления территории, перестанет быть таковым, неминуемо утратив значительную часть своих лесных угодий. И сколько проблем возникнет у нынешних обязательных присоединяемых к Москве территорий, как возникли они у существующих в процессе реализации олимпийских проектов.

И я удивляюсь тому, что Алексей Навальный живо поддержал предложение президента.

Разве он не договаривается, что 160 тысяч га непременно станут предметом грандиозного распила, который он не расклевывает до конца своих дней? При всем том, нам говорят, что по закону нет необходимости проводить референдум о судьбе столицы, хотя по совести он абсолютно необходим, когда дело касается интересов миллионов москвичей, всех граждан страны, включая тех, которые еще не родились. Как бы не стало оно для Москвы «медицинской услугой».

Невольно возникает вопрос: осмысливали ли все эти проблемы, отдавал ли себе отчет президент во всей их многосложности? Склонен думать, что нет. Его опыт мониторинга приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье», по сути дела, им

проваленного, недостаточен для столь грандиозных градостроительных свершений. И хотя мэр и губернатор более осведомлены в этих вопросах, опыт, которым они располагают, также недостаточен для всесторонней оценки предложенного плана. И неужели не понятно, что решение, принятое при «закрытых дверях», оскорбляет достоинство профессионально-общественной? Фактически мы имеем дело классическим актом волюнтаризма. Он восторженно встречен охалающим чиновничеством, в испуганном угодничестве готовом к исполнению любого начальственного повеления.

Однако нелишне подумать об альтернативном варианте – он есть.

Я считаю неподдержанной другую идею, которая давно исходит в воздухе. Речь идет о выводе из Москвы столичных функций, но только в иной, новый город – по возможности, более от нее удаленный. И ничего страшного в этом предложении нет. Такое уже бывало. Москва уже лишалась своего столичного статуса, и причем, ни много, ни мало, на целых 200 лет! И ничего. Росла и развивалась достойным образом. И Санкт-Петербург почти 100 лет как лишился столичного сана и ныне тоже неплохо выглядит.

В первом случае на то была воля Петра Великого, во втором – Ульянова-Ленина. На ходу подчеркнуть, что до самой революции коронация царствующих особ проводилась в перепрестольной. Александр II, Александр III и Николай II короновались в Большом театре, и служившие тому парадные залы в нем теперь воссозданы. Я за то, чтобы инаугурация будущих президентов России и впредь происходила в Москве. Но столичная служба городу уже не под силу, а в новом объеме он перестанет быть собой. Разумеется, что при освобождении Москвы от столичных забот, проблемы мегаполиса в границах, определенных его последним генеральным планом, будут равны с несравненно меньшими усилиями. Применительно к идее новой столицы есть один интересный вопрос: где ее строить? Я не считаю, что присутствие стольного города уместно между Питером и Москвой. В этом деле надо руководствоваться интересами страны. Они, как полагаю, в том, чтобы в России возникло поселение, способное стать новой точкой притяжения человеческого капитала, более того, привлечь в свою сферу заметную часть избыточного московского населения. Только тогда Москва вздохнет свободно.

Искомое место требует серьезных исследований и убедительных обоснований. Но взгляните на карту: Россия потеряла гигантское пространство на западе и на юге. Чтобы не потерять его на востоке, столице следовало бы расположиться поближе к географическому центру страны. Такой выбор повлечет за собой мощный импульс развития всей инфраструктуры, рост производительных сил. И тогда огромные расходы дадут ошутимый эффект. У этого дела есть еще один аспект. Мы ведь знаем, что ситость и роскошества Москвы раздражает обитателей малых и больших городов России. Ее дальнейшее «ожирение» мало кому понравится.

И разве мы не можем создать новый прекрасный город, красота которого затмит казакскую Астану? Но только без той помпезности и позолоченности.

Думаю, что лучшим примером может послужить город-сад, австралийский Канберра, освоившая новые территории и принявшая на себя столичные функции в итоге борьбы, которую вели за них между собой Мельбурн и Сидней. И пусть там, в новой столице, носят по встрече машины власть предержащих и люди они меряют меж собой яркостью мигалок и громкостью крикалов.

И остается последний вопрос: каково необходимое и достаточное условие для разумного решения предлагаемой дилеммы? Для этого в России должны придти к руководству люди, которые будут советоваться с квалифицированными специалистами прежде, чем принимать решения.

Р. 5. А пока ожидается проведение международного конкурса на определение творческого коллектива, который станет осваивать присоединяемые к Москве земли. По утверждению вице-президента САР Максима Перова, «возглавить жюри предложено первым лицам государства – президенту Медведеву и премьеру Путину». Убежден – и это неправильно. Как известно, Франсуа Миттеран оставил за собой последнее слово при отборе проекта в конкурсе на здание Тэт Дефанс в Париже. Но выбрал он из того, что рекомендовало жюри, и выбрал проект, предложенный к 1-й премии. Развал неясно, что жюри, во главе которого будут столь влиятельные лица, не будет свободно в своем решении? Профессиональное мнение окажется в клещах властного. К тому же, зная вкусы премьера, проявившиеся в известных постройках, можно предположить, что он способен усилием воли вновь обратиться отечественное зодчество к советскому ампиру. И тогда в нем опять зазвучат торжественные ритмы сталинско-российского гимна.